

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

БОГАТЫЙ МАЛЬЧИК

Когда я слышу человека, объявляющего себя «обычным, честным, открытым малым», я чувствую глубокую уверенность в каком-то определенном и, возможно, ужасном пороке, который он скрывает...

«Когда она приехала на Юг тремя неделями позже, ни Энсон, довольный таким поворотом, ни Паула в радости от воссоединения не осознавали, что психологический момент был упущен навсегда».

Minibook

Френсис Фицджеральд
Богатый мальчик (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф. С.

Богатый мальчик (сборник) / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо»,
— (Minibook)

ISBN 978-5-699-94162-9

Фрэнсису Скотту Фицджеральду принадлежит, пожалуй, одна из ведущих сольных партий в оркестровой партитуре «века джаза». Писатель, ярче и беспристрастней которого вряд ли кто отразил безумную жизнь Америки 20-х годов, и сам был плотью от плоти той легендарной эпохи, его имя не сходило с уст современников и из сводок светских хроник. Его скандальная манера поведения повергала в ужас одних и вызывала восторг у других. Но эксцентричность и внешняя позолота канули в прошлое, и в настоящем остались его бессмертные книги.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-94162-9

© Фицджеральд Ф. С.

© Эксмо

Содержание

Богатый мальчик	6
I	7
II	8
III	10
IV	13
V	16
VI	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Богатый мальчик (сборник)

В оформлении обложки использована репродукция картины «Tea in the Afternoon», 1920-е гг. художника Charles Edward Chambers (1883–1941). Иллюстрации и фотографии на обложке: macrovector, YourNikonMan/Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru; Evgeniya Rodina / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Седова Ю., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Богатый мальчик

Красная книга, (январь и февраль 1926)

I

Начни с особенного, и, не успев этого понять, ты создашь нечто типичное, начни с типичного и не создашь ничего. Все мы слегка чудные, чуднее того, что готовы продемонстрировать кому-либо или самим себе. Когда я слышу человека, объявляющего себя «обычным, честным, открытым малым», я чувствую глубокую уверенность в каком-то определенном и, возможно, ужасном пороке, который он скрывает, и его торжественные заверения в собственной нормальности, и честности, и открытости всего лишь способ напомнить себе об этом укрывательстве.

Так что не существует ничего типичного, ничего обобщенного. Есть богатый мальчик, и это история о нем, а не о ему подобных. Всю свою жизнь я провел среди его братьев, но только он стал моим другом. Кроме того, если бы я писал о его братьях, я должен был начать с разоблачения всей той лжи, которую бедные говорят про богатых, а богатые сами про себя. Вместе они создали настолько дикую нелепость, что, когда мы берем в руки книгу о богачах, то некий инстинкт готовит нас к чему-то нереальному. Даже самые умные и бесстрастные наблюдатели жизни создали страну богатых настолько же нереальной, как и сказочную страну.

Позвольте же мне рассказать вам о самых богатых. Они отличаются от нас с вами. Они рано познают, что такое обладание и удовольствие, и это делает с ними что-то, делает их мягкими там, где мы тверды, и циничными там, где мы полны доверия тем особым образом, который очень трудно понять в том случае, если ты не родился очень, очень богатым. Они считают, глубоко в душе, что они лучше нас, потому что мы должны сами находить и получать что-то хорошее от жизни. Даже когда они глубоко погружаются в наш мир, начиная тонуть в нем, они продолжают считать себя лучше нас. Они другие. Я могу описать молодого Энсона Хантера единственным способом, представив его чужестранцем, и я буду упрямо держаться за эту точку зрения. Но если я приму его точку зрения хотя бы на мгновение, я пропал – и мне нечего будет показать, кроме нелепого надуманного фильма.

II

Энсон был старшим из шестерых детей, которым было уготовано однажды разделить состояние в 15 миллионов долларов. Сознательного возраста – кажется, это должно быть семь лет – он достиг в начале века, когда бесстрашные молодые женщины уже скользили вдоль Пятой авеню в электромобилях. В те дни у него с братом была английская гувернантка, которая говорила на очень чистом, очень хорошем английском, так что оба мальчика говорили в точности как она – все их слова и предложения были гладкими и чистыми и не бежали вприпрыжку, как у нас. Они не говорили в точности как английские дети, но переняли акцент, присущий великосветским людям, живущим в Нью-Йорке.

Летом всех шестерых детей перевозили из дома на 71-й улице в большое поместье на севере Коннектикута. Это не было модным местечком, отец Энсона хотел познакомить детей с этой стороной жизни как можно позже. Он был человеком, в чем-то превосходившим свое сословие, которое составляло основу нью-йоркского общества, и свое время, полное снобизма и утрированной вульгарности Позолоченного века, и он хотел, чтобы его сыновья усвоили привычку концентрироваться, имели здоровое сложение и выросли правильными успешными людьми. Они с женой приглядывали за сыновьями, пока это было возможно, до того момента, когда двое старших мальчиков отправились в школу – а это вообще довольно затруднительно в больших домах. Намного проще это делать в домах маленьких или средних, наподобие того, в котором прошло мое детство, – я никогда не выходил за пределы слышимости маминого голоса, ощущения ее присутствия, ее одобрения или неодобрения.

Впервые Энсон ощутил свое превосходство, когда увидел отличие в отношении к нему местных жителей. Родители мальчиков, с которыми он играл, всегда спрашивали о его отце и матери и приходили в плохо скрываемый восторг, когда их собственных детей приглашали в дом Хантеров. Он принимал это как естественный порядок вещей, и определенное нетерпение, с которым он относился ко всем компаниям, в которых не занимал центральное место – с точки зрения денег, положения или авторитета, – осталось с ним до конца жизни. К соревнованию с другими за превосходство он относился с презрением, поскольку ожидал, что оно достанется ему само по себе, и когда этого не происходило, он замыкался в своей семье. Ему было достаточно семьи, на Востоке до сих пор деньги были чем-то феодальным, кланообразующим. На снобском Западе деньги разделяли семьи, заставляли их формировать разные слои общества.

Когда Энсон отправился в Нью-Хейвен в восемнадцать, он был высоким юношей крепкого телосложения со здоровым цветом лица, обязанный этим упорядоченной жизни, которую он вел в школе. У него были светлые волосы, растущие в забавном беспорядке, и нос с горбинкой – эти два обстоятельства не позволяли ему заслужить звание красавчика – но у него было обаяние уверенности в себе и слегка грубоватая манера поведения, так что люди из высшего общества, сталкиваясь с ним на улицах, без объяснений узнавали в нем богача и ученика одной из лучших школ. Тем не менее его столь явное превосходство не позволило ему иметь успех в колледже: независимость была принята за эгоизм, а отказ соответствовать стандартам Йеля с надлежащим почтением принижал тех, кто старался им соответствовать. Итак, задолго до выпуска он начал переносить центр своей жизни в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке он был дома – там был его личный дом со «слугами, которых вы нынче больше нигде не найдете» – и его собственная семья, в которой благодаря чувству юмора и умению устраивать дела он стремительно становился центром, и вечера дебютанток, и правильный мир мужских клубов, и иногда случающиеся шумные попойки с изысканными девушками, которых Нью-Хэвен видел только с пятого ряда. Его собственные стремления были весьма традиционны – они включали даже безупречную тень женитьбы, которая когда-нибудь случится, – но они отличались от желаний большинства молодых людей тем, что над ними не витал туман

идеализма или иллюзий. Энсон полностью принимал мир больших денег и большой экстравагантности, мир разводов и разврата, мир снобизма и привилегий. Жизнь большинства из нас закончится компромиссом – его жизнь с этого началась.

Мы с ним впервые встретились поздним летом 1917 года, когда он только что покинул Йель и, как и большинство из нас, был подхвачен истерией войны. В сине-зеленой форме военно-морской авиации он прибыл в Пенсаколу, где гостиничные оркестры играли «Прости, дорогая», а мы, молодые офицеры, танцевали с девушками. Он всем нравился, и, несмотря на то что он водился с выпивохами и был не самым хорошим пилотом, даже инструкторы относились к нему с определенной долей уважения. Он часто заводил с ними долгие разговоры в своей уверенной логичной манере, разговоры, которые заканчивались тем, что он вытаскивал себя, а чаще другого офицера из какой-то надвигающейся заварушки. Компанейский, пошло-ватый, алчущий удовольствий – и мы все были изумлены, когда он влюбился в консервативную подходящую девушку.

Ее звали Паула Леджендр, темноволосая серьезная красотка откуда-то из Калифорнии. У ее семьи была зимняя резиденция где-то за пределами города, и, несмотря на свою чопорность, она была невероятно популярна. Существует целая категория мужчин, чей эгоизм не приемлет в женщине чувства юмора. Но Энсон к ним не относился, и я не мог понять притягательности ее «искренности» – это было то, что ее характеризовало, – для его пытливого и в чем-то саркастического ума.

Так или иначе, но они полюбили друг друга – и на ее условиях. Он больше не участвовал в сумеречных посиделках в баре «Де Сот», и, где бы их ни замечали, они всегда были вовлечены в долгий, серьезный разговор, который продолжался уже несколько недель. Много позже он рассказал мне, что эти беседы были не чем иным, как обменом незрелыми и порой бессмысленными утверждениями. Эмоциональное содержание, которое постепенно заполняло эти диалоги, произрастало не из слов, а из невероятной серьезности, с которой их произносили. Это было наподобие гипноза. Часто его прерывали, уступая выхолощенному юмору, который мы называем весельем, но наедине разговор продолжался, торжественный и серьезный настолько, чтобы дать им ощущение единства чувства и мысли. Они стали негодовать из-за любых прерываний, перестали откликаться на комичность жизни и даже на умеренный цинизм своих сверстников. Они были счастливы, только когда диалог продолжался, и купались в его серьезности как в янтарном сиянии открытого пламени. Ближе к концу все же возникала пауза, которой они не противились, и эта пауза была вызвана страстью.

Как это ни странно, Энсон был так же поглощен диалогом, как и она, и так же до глубины души взволнован, но в то же время он понимал, что с его стороны многое не было искренним, а с ее – слишком простым. Поначалу он презирал и ее эмоциональную незрелость тоже, но любовь сделала ее глубже и помогла расцвести, так что ни о каком презрении речи больше не шло. Он чувствовал, что если бы он смог войти в теплую безопасную жизнь Паулы, то был бы счастлив. Долгая подготовка к диалогу исключала любую напряженность, и он научил ее тому, что сам узнал от более авантюрных женщин, и это вызывало у нее поистине священный восторг. Однажды вечером после танцев они решили пожениться, и он написал матери длинное письмо о своей избраннице. На следующий день Паула рассказала, что она богата и владеет состоянием более миллиона долларов.

III

Это было в точности, как если бы они сказали: «У каждого из нас ничего нет, и мы будем бедны вместе», – только, к счастью, они были богаты. У обоих появилось одно и то же ощущение приключения. Тем не менее, когда Энсон должен был уехать в апреле и Паула с матерью сопровождали его на Север, положение его семьи в Нью-Йорке и их образ жизни произвели впечатление. Находясь наедине с Энсоном в комнатах, где он играл мальчиком, она была преисполнена приятным ощущением безопасности и заботы. Фотографии Энсона в шапочке выпускника начальной школы, Энсона верхом с возлюбленной из давно забытого лета, Энсона в толпе шаферов и подружек невесты со свадьбы заставили ее почувствовать ревность к той жизни, которую он вел до встречи с ней, и настолько полно его значительная личность вобрала эти проявления, что ею полностью завладела мысль о незамедлительной свадьбе, чтобы вернуться в Пансаколу уже будучи его женой.

Но о немедленной свадьбе речи не шло, даже помолвка должна оставаться секретом до окончания войны. Когда она осознала, что до конца отпуска осталось всего два дня, ее неудовлетворенность выкристаллизовалась в намерение заставить его чувствовать то же нетерпение, что и она сама. Они ехали на загородный ужин, и она решила поставить вопрос ребром этим же вечером.

С ними в «Ритце» с некоторых пор жила кухня Паулы, закрытая хмурая девушка, которая любила Паулу, но слегка завидовала ее выдающейся помолвке. Пока Паула, опаздывая, одевалась, ее кухня, которая не была приглашена на вечеринку, поймала Энсона в гостиной их номера.

Энсон встречался с друзьями в пять часов, где спокойно и ни от кого не скрываясь выпивал в течение часа. В нужный момент он ушел из Йельского клуба, и шофер его матери отвез его в «Ритц», однако его обычная устойчивость к алкоголю немного подвела, и в жарко натопленной комнате у него внезапно закружилась голова. От осознания этого он удивился и одновременно был смущен.

Кухине Паулы было двадцать пять лет, но она была невероятно наивна и сначала не смогла понять, что происходит. Она никогда не встречалась с Энсоном до этого момента и была ошарашена, когда он стал бормотать что-то несусветное и чуть было не сел мимо стула, но до появления Паулы до нее так и не дошло, что тот запах, который она приняла за запах свежечистенной униформы, на самом деле был запахом виски. Однако Паула поняла это сразу, как только вошла; и ее единственной мыслью было увести Энсона подальше до того, как ее мать увидит его, кухня догадалась по ее взгляду.

Когда Паула и Энсон наконец добрались до лимузина, внутри обнаружили двое мужчин, оба спали; именно с ними Энсон выпивал в Йельском клубе, и они также намеревались поехать на вечеринку. Он полностью забыл о том, что они в машине. По дороге в Хэмпстед они проснулись и стали петь. Некоторые из песен были довольно грубыми, и хотя Паула и пыталась смириться с тем, что Энсон может позволить себе небольшие словесные злоупотребления, ее губы сжимались от стыда и отвращения.

Кухина, оставшаяся в отеле, смущенная и взволнованная, обдумала случившееся и затем вошла в спальню миссис Леджендр со словами:

– Разве он не забавный?

– Кого ты считаешь забавным?

– Мистера Хантера. А что? Он кажется таким забавным.

Миссис Леджендр пристально на нее посмотрела.

– И что же в нем забавного?

– Он сказал, что он француз. Я этого не знала.

– Это какой-то абсурд. Ты, должно быть, неправильно его поняла. – Она улыбнулась – Это была шутка.

Но кузина упрямо покачала головой.

– Нет. Он сказал, что вырос во Франции. И еще сказал, что не знает ни слова по-английски и поэтому не может разговаривать со мной. И он действительно не мог!

Миссис Леджендр нетерпеливо отвернулась в тот момент, когда кузина задумчиво добавила:

– Однако, возможно, это было из-за того, что он был очень пьян, – и вышла из комнаты.

Этот забавный рассказ, тем не менее, был правдой. Энсон, обнаружив, что не может контролировать свой голос, прибегнул к неожиданному выходу, объявив себя неспособным говорить по-английски. И еще много лет впоследствии он любил пересказывать эту часть истории, и каждый раз она заканчивалась залившимся смехом, который вызывали у него эти воспоминания.

Пять раз в течение следующего часа миссис Леджендр пыталась дозвониться до Хэмпстеда. Когда ей наконец это удалось, пришлось ждать еще десять минут, пока она услышала в трубке голос Паулы.

– Кузина Джо сказала мне, что Энсон нетрезв.

– О нет...

– О да. Кузина Джо сказала именно это. Он назвался ей французом, и упал со стула, и вел себя очень странно. Я не хочу, чтобы ты возвращалась домой с ним.

– Мама, он в полном порядке. Пожалуйста, не волнуйся о...

– Но я волнуюсь. Я думаю, это все ужасно. Я хочу, чтобы ты пообещала мне не приходить с ним домой.

– Я позабочусь обо всем, мама.

– Я не хочу, чтобы ты возвращалась с ним домой.

– Хорошо, мама. До свидания.

– Будь осторожна, Паула. Попроси кого-нибудь проводить тебя.

Паула медленно отодвинула трубку от уха и положила ее на рычаг. На ее лице появилось выражение безнадежной досады. Энсон спал мертвецким сном в одной из спален наверху, в то время как ужин внизу с грехом пополам подходил к концу.

Часовая поездка немного привела его в чувство, и он заявил о своем приходе уже не таким выдающимся образом, что дало Пауле надежду на то, что вечер будет не окончательно испорчен после всего произошедшего, однако два неосмотрительных коктейля перед ужином завершили катастрофу. Он громогласно и местами переходя на оскорбления, что-то рассказывал собравшимся на вечеринке в течение пятнадцати минут, а затем молча сполз под стол, совсем как пьяница на старой репродукции. Однако в отличие от репродукции в этой ужасной ситуации не было ничего забавного. Никто из присутствующих молодых девушек не сделал ни единого замечания о произошедшем инциденте, который, казалось, заслуживал только молчания. Его дядя и двое других мужчин затащили его наверх, и только после этого Паула позвонила домой.

Спустя час Энсон проснулся в густом тумане нервной агонии, сквозь который он, спустя мгновение, ощутил присутствие своего дяди Роберта, стоящего у двери.

– ... Я спросил, тебе лучше?

– Что?

– Тебе получше, старина?

– Я чувствую себя ужасно, – сказал Энсон.

– Я дам тебе кое-что. Если сможешь проглотить, то уснешь.

С усилием Энсон спустил ноги с кровати и встал.

– Со мной все в порядке, – глухо сказал он.

– Тихо, тихо.

– Я думаю, что стакан бренди поможет мне спастись вниз.

– О нет.

– Да, мне поможет только это. А сейчас я в порядке. Полагаю, я в...

– Все решили, что на тебя повлияла погода, – сказал его дядя неодобрительно. – Но не волнуйся об этом. Шуйлер вообще не появлялся. Он вырубился прямо в раздевалке клуба «Линкс».

Безразличный к любому мнению, кроме мнения Паулы, Энсон тем не менее решил спасти обломки этого вечера, но, появившись после холодного душа, он обнаружил, что большая часть гостей уже разошлась. Паула немедленно встала, готовая ехать домой.

В лимузине прерванный серьезный разговор продолжился. Она знала, что он иногда выпивает, принимала это, но никак не ожидала подобного поведения, и ей даже кажется, что после всего пережитого они не очень хорошо подходят друг другу. Их представления о жизни слишком различаются, и так далее. Когда она закончила говорить, настала очередь Энсона, и он говорил очень рассудительно и трезво. Затем Паула сказала, что ей нужно еще раз все обдумать, она не будет принимать решение сегодня же, и она вовсе не злится, просто ей ужасно жаль. Она не сможет позволить ему зайти в отель вместе с ней, но, перед тем как выйти из машины, она потянулась и безрадостно поцеловала его в щеку.

Следующим днем у Энсона состоялся долгий разговор с миссис Леджендр, Паула тем временем сидела и молча слушала. Было решено, что Пауле потребуется некоторое время на размышления о том, что произошло, и позже, если мать и дочь решат, что так будет лучше, они последуют за Энсоном в Пенсаколу. Со своей стороны он принес искренние извинения с чувством собственного достоинства – и на этом все завершилось. Имея на руках все карты, миссис Леджендр была не в состоянии воспользоваться преимуществами. Он не давал обещаний, не выказал никакого раскаяния и только произнес несколько глубокомысленных замечаний о жизни, которые в конце концов позволили ему ощутить собственное моральное превосходство. Когда они приехали на Юг тремя неделями позже, ни Энсон в своем удовлетворении, ни Паула в облегчении от воссоединения не осознавали, что психологический момент был упущен навсегда.

IV

Он подавлял и одновременно привлекал ее, и при этом наполнял тревогой. Смущенная сочетанием твердости и ребячества, сентиментальности и цинизма – несоответствие, которое было чересчур тяжелым для ее простодушного ума, – Паула привыкла думать о нем как о двух разных людях. Когда они были наедине, на официальном приеме или рядом с подчиненными, ее наполняла огромная гордость за ощущение силы и привлекательности от его присутствия, покровительственного и понимающего характера.

В другой компании ей становилось не по себе, когда то, что было настоящей светскостью без снобистских замашек, показывало себя с другой стороны. Другая сторона была грубой, с балаганным чувством юмора и пренебрегающая всем, кроме удовольствий. На какое-то время рассудок заставлял ее избегать его, даже вовлек ее в короткий тайный роман с давним поклонником, но безрезультатно – после четырех месяцев обволакивающей со всех сторон жизненной энергии Энсона остальные мужчины казались его бледным подобием.

В июле он получил приказ уехать за границу, и их нежность и желание достигли крещендо. Паула рассматривала возможность скоропалительной свадьбы и отказалась от этой мысли только потому, что теперь к его дыханию всегда примешивался запах коктейля, а мысли о вечеринке заставляли ее чувствовать себя больной от страха. После отъезда она писала ему длинные письма, полные сожалений о днях любви, которые они теряют из-за ожидания. В августе самолет Энсона разбился над Северным морем. Его подобрал эсминец после ночи, проведенной в холодной воде, и отправил в госпиталь с пневмонией, перемирие было подписано до того, как его окончательно отправили домой.

Потом, получив еще один шанс и не имея никаких материальных преград, загадочное столкновение их темпераментов возникло вновь, осушая слезы и поцелуи, приглушая голоса, заставляя сердца стучать тише, и в их распоряжении остались только старые добрые письма. Однажды днем репортер светской хроники прождал около дома Хантеров почти два часа, чтобы получить подтверждение состоявшейся помолвки. Несмотря на отрицания Энсона, первым абзацем в статье было: «постоянно замеченные в обществе друг друга в Саусхэмптоне, Хот-Спрингс и Тукседо-Парк». Однако их серьезные разговоры переросли в продолжительные ссоры, и дело чуть было не закончилось разрывом. Энсон взял привычку постоянно напиваться, и из-за этого он даже опоздал на помолвку, а Паула тем временем стала требовать от него определенного поведения. Его отчаяние было беспомощно перед лицом его гордости и знания самого себя: помолвка была окончательно расторгнута.

«Моя самая дорогая... – так теперь начинались его письма. – Моя самая дорогая, любимая, когда я проснулся сегодня посреди ночи и осознал, что все кончено, я почувствовал, что хочу умереть. Я не могу больше продолжать жить. Возможно, встретившись этим летом, мы еще раз обо всем поговорим и примем другое решение, мы были так возбуждены и огорчены в тот день, и я чувствую, что не смогу прожить жизнь до конца без тебя. Ты говоришь о каких-то других людях. Разве ты не знаешь, что для меня нет никого, кроме тебя...»

Паула, путешествуя по Востоку, иногда вскользь упоминала свои развлечения, чтобы вызвать его интерес. Но Энсон был слишком проницательным для того, чтобы удивляться. Когда в ее письмах проскальзывали мужские имена, он чувствовал даже большую уверенность в ней и легкое пренебрежение, он всегда был выше подобных вещей. Но при этом он продолжал надеяться, что однажды они поженятся.

Тем временем он рьяно погрузился в блеск и мишуру развлечений послевоенного Нью-Йорка, стал вхож в маклерскую контору, присоединился к полудюжине клубов, допоздна танцевал и существовал в трех мирах: его собственном, в мире выпускников Йеля и в той части полусвета, которая обитает на Бродвее. Но при этом всегда были восемь нерушимых и вдум-

чивых часов, посвященных работе на Уолл-стрит, где сочетание обширных связей его семьи, острый ум и безграничная энергичность быстро продвинули его вперед. У него был тот редкий ум, состоящий из множества ячеек, иногда он появлялся в офисе отдохнувший и посвежевший, не проспав и часа, но такие случаи были редкостью. И вот в начале 1920-х его общий доход, включая комиссионные, превысил двенадцать тысяч долларов.

По мере того как йельские обычаи уходили в прошлое, он становился все более и более популярной фигурой среди своих одноклассников в Нью-Йорке, популярность эта превзошла даже колледж. Он жил в великолепном доме и имел все возможности для введения молодых людей в другие великолепные дома. Более того, его жизнь уже сейчас была безопасной и устроенной, в то время как у них по большей части все было шатко и ненадежно. Они обращались к нему за поддержкой, испытывая при этом восхищение, и он с готовностью отвечал, получая удовольствие, помогая людям и устраивая их дела.

Теперь в письмах Паулы не было никаких мужчин, но зато в них появилась ранее не замеченная нотка нежности. Из разных источников он слышал, что у нее появился «серьезный кавалер», Лоуэлл Тайер, бостонец высокого достатка и положения, и, несмотря на уверенность в том, что она продолжает любить его, ему пришлось с трудом принять мысль о том, что в конце концов он ее потеряет. За исключением одного жалкого дня, она не была в Нью-Йорке почти пять месяцев, и по мере того, как слухи усиливались, им овладевало все большее желание увидеть ее. В феврале он взял отпуск и поехал во Флориду.

Палм-Бич раскинулся широко и привольно между мерцающим сапфиром озера Уэрт, с вкраплениями домов – лодок, стоящих на якоре, там и здесь, великолепным бирюзовым берегом Атлантического океана. Громады отелей «Брейкерс» и «Ройял Пойнсиана» высились как близнецы над ярким песком, и вокруг них теснились клуб «Денсинг Глейд», игорный дом «Бредли» и дюжина модных магазинов с ценами в три раза выше, чем в Нью-Йорке. По решетчатой веранде отеля «Брейкерс» две сотни молодых девушек делали шаг вправо, затем шаг влево, крутились и затем скользили, используя то, что в гимнастике называется двойным шагом, в то время как две тысячи браслетов со звоном скользили вверх-вниз по двум тысячам рук.

В клубе «Эверглейдс» после наступления темноты Паула, Лоуэлл Тайер, Энсон и случайно подвернувшийся четвертый играли в бридж. Энсону казалось, что ее милое серьезное лицо было бледным и усталым. К этому моменту он близко знал ее три года, а в свете она была четыре или пять лет.

- Две пики.
- Сигарету? О, прошу прощения. Пас.
- Пас.
- Я удвою три пики.

В комнате, наполненной дымом, было с дюжину столов. Энсон, встретившись с Паулой глазами, неотрывно смотрел на нее, даже после того как Тайер заметил это.

- Что на кону? – рассеянно спросил он.

«Роза на площади Вашингтона, —

нестройно запели молодые люди, сидящие по углам комнаты:

Я задыхаюсь без единого стога
В воздухе этого притона».

Дым лежал плотными пластами, как туман, и открывшаяся дверь наполнила комнату полуразмытыми мистическими силуэтами. Блестящие глазки металась между столов, разыс-

кивая господина Конана Дойля среди англичан, которые притворялись англичанами в вестибюле отеля, как и положено англичанам.

– Хоть ножом режь.

– ... ножом режь...

– ... режь.

В конце игры Паула неожиданно поднялась и заговорила с Энсоном тихим напряженным голосом. Бросив с опаской взгляд на Лоуэлла Тайера, они вышли в дверь и преодолели долгий спуск по каменным ступеням, и спустя мгновение они уже шли, взявшись за руки, по залитому лунным светом пляжу.

– Дорогая, дорогой... – Они без оглядки обнимались, страстно, под прикрытием тени.

... Затем Паула отклонилась назад и позволила его губам произнести то, что она хотела услышать, – она чувствовала, что эти слова были на подходе, пока они целовались. И опять она отклонилась, слушая, но, как только он притянул ее ближе к себе, она поняла, что он не сказал ничего, кроме «дорогая моя», тем глубоким и печальным шепотом, от которого ей всегда хотелось плакать. Робко и покорно ее эмоции отступили, и слезы потекли по лицу, но сердце продолжало кричать: «Попроси меня, ох, Энсон, мой дорогой, попроси же!»

– Паула... Паула!

Эти слова сжали ее сердце, и Энсон, чувствуя, как она дрожит, решил, что эмоций достаточно. Ему больше не нужно было ничего говорить, не нужно посвящать судьбы неясному призраку, не имеющему никаких практических оснований. Почему он должен, когда он может держать, как сейчас, ее в объятиях, ждать неизвестно чего еще год – или вечность? Он думал о них обоих, и о ней даже больше, чем о себе. На мгновение, когда она внезапно сказала, что ей нужно возвращаться в отель, он засомневался, сначала подумав: «Вот он, этот момент», а потом: «Ну уж нет, я подожду, все равно она моя».

Он забыл, что Паула тоже была измотана напряжением этих трех лет. Ее настроение улетучилось в ночи.

Следующим утром он вернулся в Нью-Йорк, наполненный беспокойным неудовольствием. Там его ждала прелестная дебютантка, с которой он познакомился в машине, и в течение двух дней они вместе обедали и ужинали. Сначала он рассказал ей немного о Пауле и придумал какую-то мифическую несовместимость, помешавшую им быть вместе. Девушка была юной, дикой и импульсивной, и ей польстило доверие Энсона. Он мог завладеть ей, даже не добравшись до Нью-Йорка, но, к счастью, он был трезв и сохранял контроль над собой. Позже, в апреле, без предварительных уведомлений, он получил телеграмму из Бар-Харбор, в которой Паула уведомляла его о помолвке с Лоуэллом Тайером и о незамедлительной свадьбе в Бостоне. То, в реальность чего он никогда не мог поверить, наконец происходило на самом деле.

В то утро Энсон до краев налил виски и поехал в офис, где без перерывов работал, страшаясь того, что произойдет, если он остановится. Тем вечером он, как обычно, вышел в свет, ничего не рассказав о произошедшем, он вел себя очень сердечно и внимательно, много шутил. Но с одной вещью он и там не мог справиться – в течение трех дней в любом месте, в любой компании он внезапно клал голову на руки и начинал рыдать как ребенок.

V

В 1922 году, когда Энсон вместе со своим младшим партнером поехал за границу, чтобы изучить некоторые лондонские займы, стало известно, что его берут в фирму. Ему было 27 лет, он потяжелел, но не обрюзг и обладал манерами человека более старшего возраста. Люди младше и старше его любили и доверяли ему, а матери были спокойны, когда их дочери оказывались под его попечительством, благодаря его манере ставить себя на одну ступень с самыми старшими и наиболее консервативными людьми в любой компании. «Вы и я, – как бы говорил он, – мы едины. Мы-то понимаем».

У него было интуитивное и слегка снисходительное понимание слабостей мужчин и женщин, и, как священник, он больше заботился о поддержании внешнего образа. Утром каждого воскресенья он по традиции проводил уроки в воскресной школе – даже если холодный душ и быстрая смена костюма на строгий пиджак были единственным, что отделяло его от дикой ночи накануне. Однажды, руководствуясь общим чувством, несколько детей встали из переднего ряда и пересели на последний. Он частенько рассказывал эту историю, и обычно его вознаграждали бурным смехом.

После смерти своего отца он стал фактически главой семьи и взял на себя ответственность за судьбу младших детей. Из-за некоторых сложностей его власть не распространялась на семейную недвижимость, которой управлял его дядя Роберт, добрый от природы, но пристрастившийся к алкоголю любитель скачек.

Дядя Роберт и его жена Эдна были очень дружны с Энсоном и были сильно огорчены, когда его по праву заслуженное превосходство не нашло нужного применения. Он устроил ему членство в городском клубе, попасть в который в Америке было сложнее всего – условием принятия было «участие семьи в строительстве Нью-Йорка» (или, иными словами, семья должна быть богата до 1880 года) – и когда Энсон после принятия пренебрег им в пользу Йельского клуба, дядя Роберт вызвал его на небольшой разговор. Но когда Энсон отказался стать партнером консервативной, хотя и немного запущенной брокерской конторы самого Роберта Хантера, отношения дяди и племянника стали заметно прохладнее. Подобно учителю начальных классов, научившему всему, что знал он сам, Роберт незаметно исчез из жизни Энсона.

В его жизни было так много друзей, но едва ли нашелся бы хоть один, не воспользовавшийся его необычной добротой, и едва ли был кто-то, ни разу не почувствовавший смущения из-за грубых высказываний или привычки напиваться когда и как ему было угодно. Его беспокоило, когда портачил кто-то другой, а по поводу собственных промахов он только отшучивался. Рассказывая о происходящих с ним странных событиях, он всегда заражал окружающих смехом.

Той весной я работал в Нью-Йорке и частенько встречался с ним за ланчем в Йельском клубе, членство в котором, за временным неимением собственного клуба, обеспечивал мне мой университет. Я прочел о свадьбе Паулы, и однажды днем, когда я спросил его о ней, что-то подвигло его рассказать всю историю. После этого он частенько приглашал меня на семейные ужины в свой дом и вел себя так, как будто между нами были особенно близкие отношения, и я невольно перенял часть его уверенности в этом.

Я обнаружил, что, несмотря на доверие матерей, он не относился покровительственно ко всем девушкам без разбора. Все зависело от девушки, и при малейшем намеке на отсутствие твердости ей приходилось самой о себе заботиться, даже рядом с ним.

– Жизнь сделала из меня циника, – иногда говорил он.

Под жизнью он имел в виду Паулу. Иногда, особенно когда он выпивал, что-то путалось в его голове, и он считал, что она жестоко его бросила.

Этот «цинизм», или же понимание того, что легкомысленные девушки не заслуживают пощады, подтолкнул его к роману с Долли Каргер. В те годы это был не единственный его роман, но именно он глубже всего его затронул и сильно повлиял на его отношение к жизни.

Долли была дочерью печально известного публициста, благодаря женитьбе попавшего в высшее общество. Сама же она выросла в Младшей Лиге, дебютировала в «Плазе» и вступила в Женскую Ассамблею, и только самые почтенные семьи, к которым относились Хантеры, могли усомниться в том, по праву ли она занимала место в свете, так часто ее фотографии мелькали в газетах, привлекая к ней завидного внимания больше, чем к некоторым девушкам, без сомнения его заслуживающим. У нее были темные волосы, красные губы и яркий румянец, чрезвычайно ей шедший, который она, однако, маскировала под слоем бледной розовой пудры во время своего первого года, проведенного в обществе. Иметь румянец считалось немодно, нужно было демонстрировать викторианскую бледность. Она носила черные строгие костюмы и стояла держа руки в карманах и слегка подавшись вперед, со сдержанным и чуть насмешливым выражением на лице. Она восхитительно танцевала – и любила это занятие больше, чем что-либо другое, – за исключением флирта. С того момента как ей исполнилось десять, она всегда была влюблена, и обычно в кого-то, кто не отвечал ей взаимностью. Те же, кто отвечал – и таких было великое множество, – утомляли ее после первой же короткой встречи, но, несмотря на все свои неудачи, ее сердце оставалось отзывчивым и теплым к тем, с кем она терпела неудачу. Когда она встречала их, то всегда предпринимала еще одну попытку – иногда успешную, чаще нет.

В погоне за недостижимым ей никогда не приходило в голову, что определенное сходство объединяет всех тех, кто отказался любить ее: все они обладали сильной интуицией, которая позволяла заглянуть внутрь и увидеть ее слабость, слабость, заключенную не в недостатке эмоций, а в недостатке умения ими управлять. Энсон понял это сразу, как только увидел ее, меньше чем через месяц после свадьбы Паулы. Он довольно сильно пил, и на неделю он притворился влюбленным в нее. Затем он грубо ее бросил и забыл об этом – и незамедлительно стал самым главным человеком в ее сердце.

Как и многие девушки того времени, Долли вела себя несдержанно и неосмотрительно. Отсутствие традиционной морали у поколения, бывшего немногим старше, было простым следствием послевоенного желания избавиться от устаревших манер, а Долли была одновременно старше и развязнее, и она увидела в Энсоне две крайности, которые так ищут эмоционально незрелые женщины, – нежелание потакать слабостям, перемежающееся с умением защищать. В его характере она почувствовала одновременно и черты сибарита, и твердый гранитный камень, и эти две черты полностью отвечали всем потребностям ее природы.

Она понимала, что это будет тяжело, но ошиблась в причине: она думала, что Энсон и его семья ожидают более подходящей женитьбы, но она тут же догадалась, что ее преимуществом станет его пристрастие к алкоголю.

Они встретились на большом балу дебютанток, и, по мере того как росло ее страстное увлечение, они все больше и больше времени проводили вместе. Подобно всем матерям, миссис Каргер верила в неукоснительную порядочность Энсона и поэтому позволяла Долли сопровождать его в загородные клубы, расположенные не близко, и в пригородные дома, не вникая особенно в то, чем они там занимаются, и не задавая вопросов по поводу поздних возвращений. Сначала эти объяснения звучали правдоподобно, но приземленные намерения Долли заполучить Энсона вскоре были погребены под лавиной ее эмоций. Поцелуев на заднем сиденье такси уже было недостаточно, и тогда они придумали забавный выход.

Они на некоторое время выпадали из обычного мира и создавали свой собственный мир, в котором выпивка Энсона и пропадания Долли не были бы так заметны и вызывали бы меньше замечаний. Этот мир состоял из меняющихся элементов – из некоторых друзей Энсона по Йелю и их жен, двух или трех молодых брокеров и биржевых маклеров и горстки неприкаян-

ных молодых людей, только-только закончивших колледж, при деньгах и со склонностью пускаться в загулы. Чего не хватало этому миру, так это масштаба, и в качестве компенсации они получили свободу, которую едва ли могли себе позволить. Более того, они были центром этого мира, который подарил Долли удовольствие честной снисходительности – удовольствие, которым Энсон, вся жизнь которого состояла из снисходительности, предопределенной с самого детства, был не в состоянии с ней поделиться.

Он не был в нее влюблен и много раз повторял это на протяжении всей долгой и суровой зимы их романа. К весне ему все наскучило, он захотел обновить свою жизнь каким-то другим способом, кроме того, он понял, что должен либо порвать с ней, либо взять на себя ответственность за определенное обольщение. Выжидающее отношение ее семьи ускорило это решение – однажды вечером, когда мистер Каргер негромко постучал в дверь библиотеки, объявляя, что он оставил бутылку старого бренди в столовой, Энсон почувствовал, что жизнь заманивает его в ловушку. Этой ночью он написал ей короткую записку, в которой сообщил, что уезжает в отпуск и в свете всех обстоятельств им лучше больше не видеться.

Это было в июне. Его семья закрыла дом и переехала за город, поэтому он временно жил в Йельском клубе. Я слышал о его романе с Долли по мере его развития – соленые шуточки о его презрении к женщинам с нестабильной психикой, не заслуживающим места в социальной системе координат, в которую он верил, – и когда той ночью он сказал мне, что определенно с ней расстанется, я был рад. Я встречал Долли то тут, то там и каждый раз ощущал жалость из-за безнадежности ее битвы, к которой примешивался стыд от того, что я знал многое, что было не положено знать. Она была, как принято говорить, «маленькой милашкой», и в этом было определенное безрассудство, которое очаровывало меня. Ее поклонение богине упадка было бы не столь заметно, отдавайся она ему с меньшим чувством, – она готова была пожертвовать всю себя, и я был рад, когда услышал, что эта жертва будет принесена не на моих глазах.

Энсон собирался оставить прощальное письмо у нее дома следующим утром. Это был один из немногих домов, который оставляли незапертым на Пятой авеню, и он знал, что Каргеры, по непроверенной информации, полученной от Долли, отложили путешествие за рубеж, предоставив дочери шанс. Как только он вышел за порог Йельского клуба на Мэдисон-авеню, мимо него прошел почтальон, и он последовал за ним внутрь. Первое же письмо, на которое упал его взгляд, было написано рукой Долли.

Он знал, что это – одинокий и трагичный монолог, полный упреков, мольбы и «а что, если», всех тех извечных интимных подробностей, которые он сам писал Пауле Леджендр когда-то в прошлом, которое казалось другим веком. Схватив письмо вместе с несколькими счетами, он снова достал и открыл его. К его удивлению, это была короткая и отчасти формальная записка, в которой говорилось, что Долли не сможет сопровождать его в поездке за город в этот уик-энд, потому что Перри Халл из Чикаго неожиданно приехал в город. В заключение было сказано, что Энсон сам виноват в случившемся: «Если бы я чувствовала, что ты любишь меня так же сильно, как я люблю тебя, я бы поехала с тобой в любое время и в любое место, но Перри так мил и он так хочет, чтобы я вышла за него замуж...»

Энсон презрительно усмехнулся, у него уже был опыт с подобными ловушками. Более того, он знал, как Долли поработала над этим планом, возможно послав за доверчивым Перри и высчитав время его прибытия, – и даже то, как она поработала над этим посланием, чтобы заставить его ревновать, но удержать при этом. Подобно большинству компромиссов, в этом не было ни силы, ни жизнеспособности, а только одно безнадежное отчаяние.

Внезапно он разозлился. Он сел в вестибюле и перечитал записку еще раз. Затем подошел к телефону, позвонил Долли и сказал ясным приказным тоном, что он получил ее письмо и позвонит ей в пять часов, как они заранее и планировали. Едва дождавшись показной неуверенности в ее «возможно, я смогу встретиться с тобой на часок», он повесил трубку и пошел на работу. По дороге он разорвал свое собственное письмо на клочки и выбросил его на улице.

Он не испытывал ревности – она для него ничего не значила, – но ее жалкая уловка разбудила все самое упрямое и эгоистичное в нем. Он усмотрел в этом дерзость кого-то, явно находящегося гораздо ниже его самого, и такое нельзя было спускать с рук. Если ей хотелось знать, кому она принадлежит, она это узнает.

В четверть шестого он был на пороге. Долли была одета для прогулки, и он в молчании выслушал ее послание, гласившее: «Ах, я смогу уделить тебе всего лишь час», которое она начала по телефону.

– Надень шляпку, Долли, – сказал он, – мы немного прогуляемся.

Они поднялись от Мэдисон-авеню до Пятой авеню, и за это время рубашка облепила крупную фигуру Энсона, став влажной из-за сильной жары. Он мало говорил, сухо побранил ее и не сказал ни единого слова любви, но еще до того, как они прошли шесть кварталов, она опять была его, извинялась за записку, предлагая отменить встречу с Перри в качестве расплаты, предлагая сделать все что угодно. Она думала, что он пришел потому, что начинал любить ее.

«Мне жарко, – сказал он, когда они дошли до 71-й улицы. – Я в зимней одежде. Если я ненадолго зайду в дом и переоденусь, ты сможешь подождать меня внизу? Это займет всего минуту».

Она была счастлива, признание в том, что ему жарко, вообще любой физической факт о нем приводил ее в дрожь. Когда они подошли к обитой железом двери и Энсон вынул ключ, она испытала восторг.

Внизу было темно, и, после того как он поднялся в лифте, Долли подняла занавеску и посмотрела через плотный тюль на дома напротив. Она услышала, как остановился лифт, и, намереваясь немного подразнить его, нажала кнопку и вызвала его вниз. Затем, следуя неосознанному импульсу, она вошла в лифт и поехала на этаж, который должен был быть его.

– Энсон, – позвала она, слегка посмеиваясь.

– Одну минуту... – ответил он откуда-то из спальни. И затем после небольшой паузы. – Теперь ты можешь войти.

Он переоделся и застегивал жилет.

– Это моя комната, – сказал он приветливо. – Как она тебе нравится?

В ее поле зрения попала фотография Паулы на стене, и она уставилась на нее с восхищением, совсем как Паула когда-то рассматривала детские фотографии Энсона пять лет назад. Она кое-что знала о Пауле – какие-то фрагменты, которые она по частям вытянула из Энсона.

Внезапно она подошла к Энсону и подняла руки. Они обнялись. За окном уже сгущались мягкие искусственные сумерки, хотя солнце еще ярко отражалось от крыш домов. Через полчаса в комнате будет совершенно темно. Непредвиденная возможность захватила их, лишила обоих дыхания, и они теснее придвинулись друг к другу. Это было величественно и неизбежно. Все еще держа друг друга в объятьях, они подняли головы, и их взгляды встретились на портрете Паулы, глядящей на них со стены.

Неожиданно Энсон убрал руки и, сев за стол, попытался открыть ящик, используя связку ключей.

– Хочешь выпить? – спросил он грубовато.

– Нет, Энсон.

Он налил себе полстакана виски, проглотил его и затем открыл дверь в холл.

– Пошли, – сказал он.

Долли колебалась.

– Энсон, я поеду с тобой сегодня за город, после всего этого. Ты ведь понимаешь, правда?

– Конечно, – коротко ответил он.

В машине Долли они доехали до Лонг-Айленда, чувствуя себя ближе друг другу, чем когда-либо. Они знали, что должно случиться, и лицо Паулы не должно напоминать о том, чего

им не хватало, но, когда они оказались одни этой тихой жаркой ночью на Лонг-Айленде, им было уже все равно.

Имение в Порт-Вашингтоне, в котором они должны были провести этот уик-энд, принадлежало кузине Энсона, которая вышла замуж за сына медного магната из Монтаны. Бесконечная подъездная дорога начиналась у сторожки привратника и петляла между привезенных из-за границы молодых тополей, упираясь в итоге в огромный розовый дом в испанском стиле. Энсон частенько здесь бывал раньше.

После ужина они танцевали в клубе «Линкс». Около полуночи Энсон убедился, что его кузены не собираются уходить раньше двух, и затем объяснил, что Долли устала, поэтому он отвезет ее домой и потом вернется обратно на танцы. Слегка дрожа от волнения, они забрались в арендованный автомобиль и поехали в Порт-Вашингтон. Когда они доехали до сторожки, Энсон остановился, чтобы перекинуться с ночным сторожем парой слов.

– Когда тебе на обход, Карл?

– Да вот прямо сейчас.

– И потом ты будешь здесь, пока все не приедут?

– Да, сэр.

– Очень хорошо. Послушай, если в эти ворота въедет автомобиль, любой, неважно чей, я хочу, чтобы ты немедленно позвонил в дом. – Он вложил в руку Карла пятидолларовую банкноту. – Все ясно?

– Да, мистер Энсон. – Будучи человеком старой закалки, он не позволил себе ни подмигнуть, ни улыбнуться. Все это время Долли провела в машине, слегка отвернувшись в сторону.

У Энсона был ключ. Зайдя внутрь, он сразу же налил им обоим выпить, хотя Долли так и не прикоснулась к стакану, а он тем временем точно определил местонахождение телефона и убедился, что его хорошо слышно из их комнат, расположенных на первом этаже.

Пять минут спустя он постучал в дверь комнаты Долли.

– Энсон?

Он вошел, закрыв за собой дверь. Она была в постели, в волнении приподнявшись на локтях, сев рядом, он взял ее руки в свои.

– Энсон, дорогой.

Он ничего не ответил.

– Энсон... Энсон! Я люблю тебя... Скажи, что ты меня любишь. Скажи это сейчас – разве ты не можешь сказать это сейчас? Даже если это и не так.

Он не слушал. Поверх ее головы он заметил портрет Паулы, висящий на стене.

Он встал и подошел поближе. На раме слабо поблескивало отражение лунного света, а внутри была размытая тень лица, которое, казалось, он не узнавал. В порыве чувств он обернулся и с отвращением уставился на маленькую фигурку на кровати.

– Все это полная глупость, – глухо сказал он. – Я не понимаю, о чем я думал. Я не люблю тебя, и тебе лучше дождаться того, кто действительно будет тебя любить. Я не люблю тебя нисколько, ты понимаешь это?

Его голос треснул, и он стремительно вышел вон. Вернувшись в гостиную, он нетвердой рукой налил себе выпить, и в этот момент открылась входная дверь и вошла его кузина.

– Энсон, что ты здесь делаешь? Я услышала, что Долли нездоровится. – В ее голосе слышалась забота. – Я слышала, что она плохо себя чувствует...

– С ней все в порядке. – Он оборвал ее, повысив голос, чтобы Долли могла услышать их из своей комнаты. – Она просто немного устала и отправилась спать.

Еще долгое время Энсон верил, что господь, пытаясь оградить нас, иногда вмешивается в людские дела. Но Долли Каргер, лежа без сна, уставившись в потолок, никогда больше не верила ни во что.

VI

Когда Долли следующей осенью вышла замуж, Энсон был в Лондоне по служебным делам. Как и со свадьбой Паулы, все произошло неожиданно, но оказало на него другой эффект. Сначала он решил, что это забавно, и даже с трудом удерживался от смеха, думая об этом. Позже эта мысль повергла его в депрессию, она заставила его почувствовать себя старым.

В этих историях был какой-то повторяющийся мотив, даже несмотря на то что Паула и Долли принадлежали к разным поколениям. Он ощутил что-то похожее на чувство, которое испытывает сорокалетний мужчина, узнавший о свадьбе дочери своего старинного друга. Он отправил свои поздравления, и, в отличие от поздравлений Пауле, на этот раз они были искренними – он никогда по-настоящему не хотел, чтобы Паула была счастлива.

Когда он вернулся в Нью-Йорк, его сделали партнером на фирме, и в связи с возросшими обязанностями у него почти не осталось свободного времени. Отказ застраховать его жизнь, который он получил от страховой компании, так сильно на него повлиял, что он бросил пить почти на год и уверял, что чувствует себя физически намного лучше, хотя думается мне, что он скучал по веселым рассказам о приключениях, которые играли такую большую роль в его жизни в то время, когда ему было чуть за двадцать. Но он не перестал бывать в Йельском клубе. Он был там видной фигурой, известной личностью, и, в то время как его ровесники, закончившие колледж семь лет назад, расплзались по тихим и трезвым местечкам, он олицетворял собой старые добрые времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.